

писатель получает ответ, что его рассказ не может быть опубликован, так как «Иванова» никто не знает. Рассерженный граф приезжает в редакцию и затевает скандал. В качестве «козла отпущения» выступила секретарша главного редактора, якобы «упустившая письмо с Вашим великим творчеством». Таким образом, автор подтверждает свой тезис о несправедливости по отношению к писателям. Многие «самородки» вынуждены «загнивать» в глухих уголках, вдалеке от столицы, где их могла бы ждать слава.

В заключение отметим, что за 22 выпуска (с декабря 1910 по март 1911) «Газеты для всех» достаточно сложно отследить эволюцию газеты и редакторской работы. Но «Самарская газеты для всех» очень резко изменила курс и внешний вид. Поэтому «Самарская газета для всех» и «Газета для всех» могут рассматриваться как одно издание. Они продолжают идеи друг друга и связаны личностью Александра Гольдебаева. Но можно их воспринимать и как самостоятельные издания, связанные личностью редактора. В зависимости от изменения точки зрения, будет меняться и понимание редакторской работы.

*Л.Д. Харазова (Россия, Самара)
Научный руководитель Т.В. Журчева*

СПОСОБЫ РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК»

Статья посвящена выявлению способов раскрытия характера героя-повествователя в повести С. Довлатова «Заповедник». Исследуются основные механизмы, с помощью которых создается образ героя. Через анализ данных механизмов выделяются ключевые, значимые черты его характера. Все механизмы рассматриваются на примерах из текста повести. Сделан вывод о том, каким образом в сознании читателя формируется образ героя.

Ключевые слова: автор, герой, образ героя, форма повествования, язык повествования, диалог, внутренний монолог.

Повесть «Заповедник» была опубликована в 1983 году. В основе сюжета лежат события, связанные с жизнью автора. Главный герой Борис Алиханов устраивается работать экскурсоводом в Пушкинский музей в Михайловском (там же в 1976-1977 гг. работал экскурсоводом и сам Довлатов). О герое «Заповедника» он говорил так: «Я хотел изобразить находящегося в Пушкинском заповеднике литературного человека, проблемы которого лежат в тех же аспектах, что и у Пушкина: деньги, жена, творчество и государство» [1, с. 4].

Повествование ведется от первого лица. Это следствие автобиографизма, характерного для творчества Довлатова. Выбранная форма повествования, во-первых, «укрепляет» связь между Довлатовым и героем, делает их едва различимыми, а во-вторых, сокращает дистанцию между автором и читателем. Ав-

тор честен с нами, он себя не прячет, и даже напротив – акцентирует внимание на себе, своих мыслях, своем видении мира и людей.

Главный герой, как и Довлатов, прозаик. Он не пишет стихов. Исключением является сочиненное по дороге в заповедник четверостишие, больше похожее на насмешку, пародию, чем на реальное творческое усилие.

Любимая, я в Пушкинских Горах,

Здесь без тебя – уныние и скука,

Брожу по заповеднику, как сука.

И душу мне терзает жуткий страх... [1, с. 13]

Алиханов иронизирует постоянно. Ирония для него – способ осмысления действительности. Особенно ярко это иллюстрируют диалоги. Для того чтобы понять, что собой представляет герой, важно услышать его. Уже самый первый диалог, в который вступает Алиханов, задает определенный иронично-насмешливый тон повествованию:

Я сел у двери. Через минуту появился официант с громадными войлочными бакенбардами.

– Что вам угодно?

– Мне угодно, – говорю, – чтобы все были доброжелательны, скромны и любезны [1, с. 8].

Остроумные замечания героя зачастую вводят собеседников в замешательство. Однако чувство юмора ни в коем случае не делает Алиханова шутком. Он вполне серьезен, когда этого требует ситуация. Более того, речь героя открывает его нам не только как человека, способного посмеяться над собой и происходящим вокруг, но и как человека, имеющего совершенно особое отношение к слову. И. Каргашин писал, что «слово, речь, язык являются важнейшим предметом рефлексии и самого автора, и героев довлатовской прозы, одной из основных тем рассуждений, оценок, пристального внимания» [2, с. 111]. «На чужом языке мы теряем восемьдесят процентов своей личности. Мы утрачиваем способность шутить, иронизировать. Одно это меня в ужас приводит» [1, с. 99], – говорит Алиханов жене, как бы подчеркивая значимость этих двух составляющих – языка и иронии.

Характер героя раскрывается не только в диалогах, но и в так называемых внутренних монологах, которые часто разрастаются в воспоминания о прошлом, лирические рассуждения и тем самым выводят повествование на другой план. К примеру, размышляя о своей писательской судьбе, герой размышляет о судьбе многих писателей данной эпохи в целом. Субъективное, личное становится всеобщим:

Тебя не публикуют, не издают.<...> Но что же пишут твои современники? У писателя Волина ты обнаружил: «...Мне стало предельно ясно...» И на той же странице «С беспредельной ясностью Ким ощутил...» Слово перевернуто вверх ногами[1, с. 22-23] .

Стоит обратить внимание и на язык «Заповедника», который тоже является ключом к пониманию характера героя. Говоря о языке Довлатова, большин-

ство исследователей сходятся на слове «лаконичность». Это действительно так. И. Каргашин отмечал: «Стилевой доминантой повествования в прозе С. Довлатова становится установка на предельно лаконичную, лишенную «украшений» фразу» [2, с. 119]. «Лаконичность» Довлатова – это не «сухость» и не «скудность». Писателю каким-то образом удается вплетать в «скромное» повествование весьма интересные и яркие метафоры. Даже там, где они, казалось бы, не слишком уместны – в описании совершенно заурядных, бытовых моментов:

Я поднялся на второй этаж и отпер дверь. Кровать была аккуратно застелена. Репродуктор издавал прерывистые звуки.

И тут же:

В этой комнате, в этой узенькой лодке, я отплывал к неведомым берегам холостяцкой жизни [1, с. 20] .

Мы видим, как умело в тексте соединены совершенно разнородные предложения – нейтральные описательные конструкции соседствуют с противоположными, бросающимися в глаза своей «насыщенностью». Хотя вполне возможно, что это тоже одна из форм проявления иронии. Своеобразная игра со словом, с образом и с читателем.

Стремление совместить несовместимое проявляется не только на уровне языка. В повести Довлатова можно встретить полярные вещи и явления, которые, тем не менее, сосуществуют, ставятся в один ряд. Например, в сцене, когда Алиханов и Таня выходят на крышу, в «романтическую обстановку» вдруг вклинивается валяющийся под ногами героя рваный башмак. В Таниной комнате герой видит «гипсовую Нефертити» и следом – «календарь с девицей в розовом бюстгальтере» [1, с. 81].

И. Сухих считал, что творчество Сергея Довлатова находится «между анекдотом и драмой» [3, с. 38]. Довлатовский герой тоже балансирует между этими понятиями (которые, на первый взгляд, несовместимы). Анекдотичные ситуации, в которых он оказывается, забавные диалоги, в которые он вступает, существуют на фоне драмы. Это личная, внутренняя драма героя, его попытки найти себя и свое место в литературе, в искусственном мире заповедника, да и в мире вообще. Это драма семейная (сложные отношения с женой и дочерью) и драма социально-политическая (существование человека в государстве).

«Заповедник» – это рассказ героя об определенном этапе своей жизни. Сложно понять, рассказывает ли он об этом нам или просто «размышляет вслух», пытаясь разрешить противоречия, найти ответы на мучающие его вопросы. Мы слышим не только то, что говорит Алиханов, но и то, о чем он думает. Мы можем наблюдать его во взаимодействии с миром и людьми, но при этом мы видим мир и людей его глазами, как бы находясь внутри его сознания. Довлатов предоставляет читателю возможность рассмотреть героя с разных сторон. И именно эта многоплановость рассмотрения позволяет создать цельный, объемный, «живой» образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Довлатов С. Заповедник: повесть/ Сергей Довлатов. СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2016. 160 с.
2. Каргашин И. Освобожденное слово// О Довлатове: Статьи, рецензии, воспоминания. Тверь: «Другие Берега», 2001. 224 с.
3. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Издательство «НесторИстория», 2006. 278 с.

*А.К. Шиповская (Россия, Самара)
Научный руководитель Г.В. Заломкина*

ФИЛОСОФСКИЙ ПЛАН ЭЛЕГИЙ А. ДРАГОМОЩЕНКО

В статье представлена философская интерпретация трёх элегий А. Драгомощенко – «Пред-элегии», «Сентиментальной элегии» и «Элегии на восхождение пыли». В ходе исследования устанавливается, что элегический жанр претерпевает изменения, что он становится способным транслировать поэтику множественности и вариативности. Устанавливается связь между творчеством А. Введенского и А. Драгомощенко, выясняется, что с помощью элегии в поэзии рубежа XX и XXI веков становится возможным вопрошание о бытии. Особое внимание уделяется ключевым мотивам поэзии Драгомощенко, присутствующим в рассматриваемых нами элегиях.

Ключевые слова: элегия, Аркадий Драгомощенко, множественность, вариативность, между-измерение, бытие, дистанция.

Работа посвящена философским идеям элегий А. Драгомощенко. Прежде чем перейти к анализу поэтических текстов, необходимо рассмотреть историю элегического жанра.

Связь с традиционной элегией прослеживается в эволюции поэтического субъекта. У классицистов он становится рефлексирующим, главным образом над любовным чувством и над политической обстановкой (А. Сумароков «Элегия 6-ая», В. Тредиаковский «Элегия о смерти Петра Великого»). Далее, у К. Батюшкова лирический субъект обретает динамичность, причем развитие его в тексте происходит параллельно с развитием переживания. А. Пушкин на первый план помещает само переживание лирического субъекта. Ламентация заменяется медитацией, и поэтическая речь направляется внутрь самого человека, где совершается целостный диалог [1, с.73-77]. «Осенние элегии» (Б. Пастернак) приближают лирический субъект к природе. И вот, на выходе из элегической традиции XX века Аркадий Драгомощенко наделяет субъект автономией по отношению к объекту созерцания и этической дистанцией по отношению к нему. Именно этот шаг является революционным для элегической традиции и поводом для данного исследования. Радикальное обновление элегической традиции